ПУШКИН СБЕЖАЛ!

(Продолжение фельетона «Лошадиный язык», напечатанного в «Ленинских искрах» от 3 октября)

Б кабинете профессора филологии Николая Валерьяновича Субоцкого был полумрак. Лампа, упрятанная глубоко в абажур, освещала белый мраморный бюст Пушкина.

Вдоль темных стен стояли книжные шкафы. Они бесшумно раздвигались, открывая корешки книг с тисненными золотом названиями.

Здесь были книги, написанные всеми русскими писателями. Здесь в ясных и умных словах заключались мудрость и богатство языка.

Державин, Пушкин, Толстой, Гончаров...

Подперев рукой седую голову, профессор читал поэму «Медный всадник».

Люблю тебя, Петра творенье.
Люблю твой стройный, строгий вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит.

Профессор читал и губы его слегка дрожали от волнения и восторга. Он подымал глаза, читая уже без книги любимые строки.

...И не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит...

На столе дико и зло затрещал телефон. От резкого звонка бюст Пушкина покачнулся. Профессор вздрогнул, непонимающими глазами посмотрел на аппарат и нахмурился. Потом снял трубку.

— Слушаю!

Вдруг трубка запрыгала в руке у профессора. В ухо трещал, свистал, булькал чей-то знакомый голос.

— Шурка? Здорово, гусар! Ну как? На большой палец? С посыпочкой? А я на ять! Вчера, знаешь, в бутылку полез! Понимаешь, учитель шухер поднял, продирает меня с песочком! Ну я и того...

— Бутылка?.. С песочком?.. Кто это хамит? Это опять ты, Павлик? Замолчать! — закричал профессор и ударил ладонью по столу. Бюст Пушкина зашатался и лег на бок. — Я запрещаю тебе говорить со мной лошадиным языком! Слышишь, Павлик?

— И вовсе это не Павлик...—забулькало в трубке. — Это я, дедушка... я, ваш второй внук. Я вашему племяннику Шурику звоню. Думал, он у телефона... Узнали? Я — Вова... Павлик, он в 3-й школе Володарского района, а я в 5 школе, в Московском... Я думал, я с Шуриком говорю. Зря вы, дедушка, в бутылку полезли...

Профессор побледнел:

— Шурик, Вова, Павлик, шухер, с песочком... Сто тысяч Павликов и сто тысяч лошадиных слов! Довольно! Кончено! Не желаю!..

Трубка выпала из рук Николая Валерьяновича. Он тяжело опустился в кресло. Рука профессора невольно потянулась к белому бюсту Пушкина и вдруг испуганно зашарила по столу.

На зеленом сукне стола, там, где двадцать лет неизменно стоял мраморный бюст, — было пусто.

Напуганный лошадиным языком, Пушкин бесследно исчез...

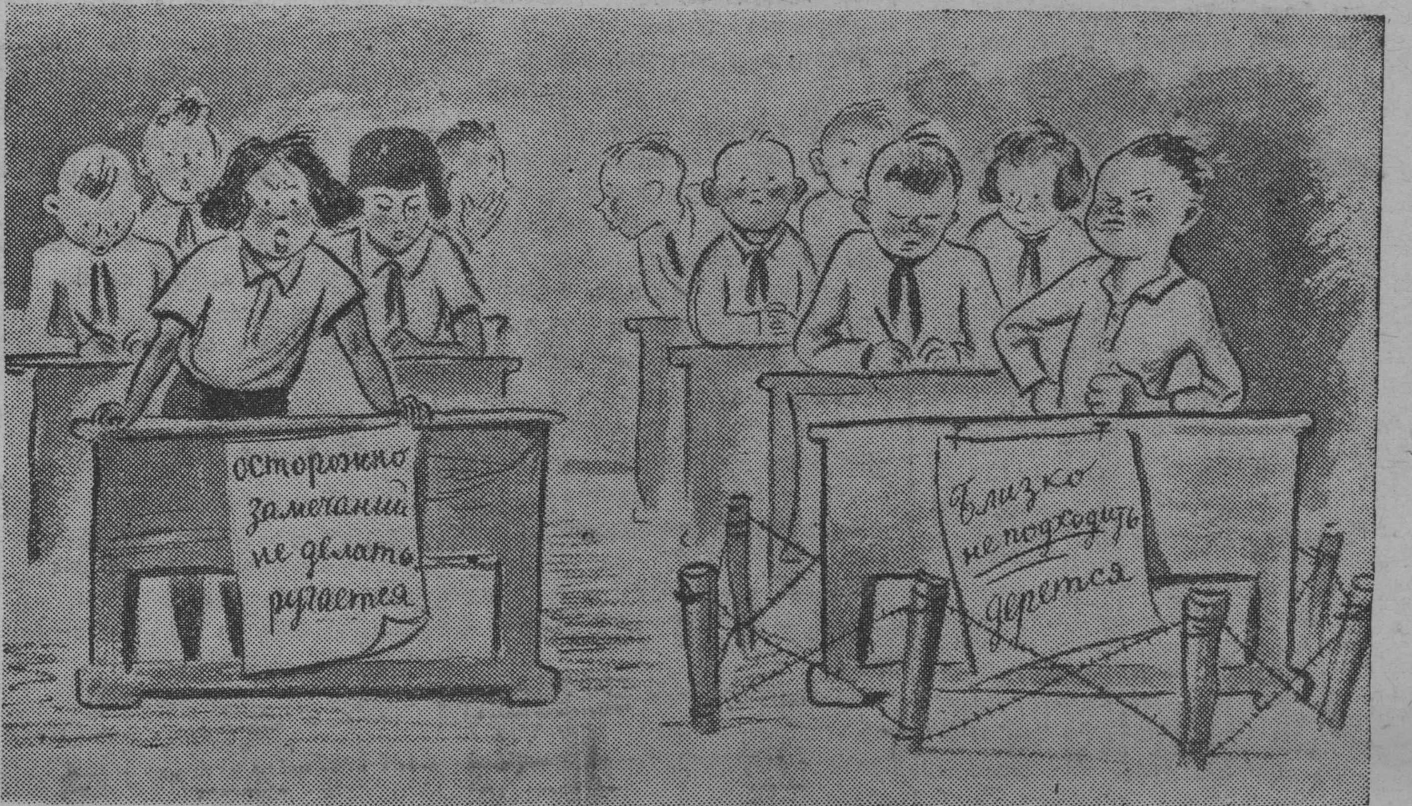
МАРК ГЕЙЗЕЛЬ

Баклажка

ЗА КУЛЬТУРНОГО ПИОНЕРА И ШКОЛЬНИКА

„ВЕЖЛИВЫЕ“ ЭКСПОНАТЫ

Ученица 5-2 класса 5-й школы Московского района Сусова грубила воспитательнице — учительнице немецкого языка, говорила ей «ты», кричала на нее...



Если ребята старших классов 5-й школы Московского района ведут себя недисциплинированно и им делает замечание педагог 1-й ступени, —ребята никакого внимания на это не обращают.

— Вы еще не доросли, товарищ педагог первой ступени, делать нам, второступенцам, замечания!..

ТЫ ПРОСТИТЬСЯ ПОЗАБЫЛ

В 4 и 5 классах 5-й школы Московского района ребята друг с другом не здороваются.

Говорил я в 5 классе
Как-то раз с учеником:
«Неужели, милый Вася,
Ты ни с кем тут не знаком?
Ты при мне еще ни разу
Не здоровался ни с кем»...
И в ответ услышал фразу:
«А здороваться зачем?»
Я ушам своим не верил,
И как будто невзначай,
Зашагал скорее к двери,
Не сказав ему «прощай»...
Голос Васи, звонкий, свежий,
Мне вдогонку слышен был:
«Эй, вернись сюда, невежа!
Ты проститься позабыл!».
Я не вздумал возвращаться,
Но сказал ему в ответ:
«Если надобно прощаться —
И здороваться бы след!»

БУБИ

ВСТАТЬ!

В 9 классе 25-й школы Центрального района ребята не встают при входе педагога.

Девятый класс нашел предлог,
Чтоб завести такие речи:
«А что за птица педагог?
К чему вставать ему навстречу?
Пускай встают те малыши,
Что еле складывают слоги,
А мы вставать не поспешим, —
Мы сами чуть не педагоги!»
Что спорить, возраст ваш не мал,
И знаний может быть не мало.
Но кто вам эти знанья дал?
И чья рука вас воспитала?
Кто помогал вам всем, чем мог,
Что-б вы в культуре не отстали?
Да этот самый педагог,
Перед которым вы не встали!

Г. КАРЕЙША

5